

Провожая взглядом удаляющуюся спину Тан Шэня, Ван Цзыфэн держал в правой руке складной веер и легонько постукивал им по левой ладони. Постучав какое-то время, он приподнял веер, указал им вслед Тан Шэню и спросил:

— Как думаешь, он ведь наверняка опять в душе ругал меня?

Управляющий огляделся по сторонам. Убедившись, что вокруг никого нет, он понял, что молодой господин обращается именно к нему.

«Ругает он вас или нет — неужели вы сами этого не понимаете?» — подумал управляющий.

Потупив взор, он ответил:

— Вашему слуге это неизвестно.

На красивом лице Ван Чжэня играла мягкая улыбка, однако тон звучал на редкость серьезно:

— Но мне так забавно видеть, как он мысленно меня ругает, что я просто не могу удержаться, чтобы не подразнить его. Как думаешь, что мне с этим делать?

Управляющий:

— ...

Ван Чжэнь и не думал ждать ответа от управляющего. Погладив висевшую на поясе яшму высочайшего качества, он тяжело вздохнул, развернулся и вошел в ворота Резиденции министра.

Седьмого дня десятого месяца праздновался день рождения Сына Неба.

Такой мелкий чиновник седьмого ранга, как Тан Шэнь, не имел права присутствовать в Храме Неба на торжественной церемонии жертвоприношения. Однако в то время как гражданские и военные сановники, а также члены императорской семьи совершали обряды в честь предков, мелкие чиновники должны были стоять на коленях во дворе Академии Ханьлинь. Находясь в десятке ли от места событий, они могли лишь издали проникаться величием «небесного могущества». Лишь во второй половине дня затянувшаяся церемония наконец завершилась. Высшие гражданские и военные чины отправились на праздничный пир во дворец, а чиновники шестого и седьмого рангов получили долгожданный отдых и с радостью разошлись по домам.

В честь дня рождения императора была объявлена всеобщая амнистия.

Три дня спустя, десятого дня десятого месяца, Тан Шэнь облачился в новенькое чиновничье одеяние шестого ранга, положенное дворцовому писцу, и направился в управу Центрального секретариата.

При прежней династии придворные историографы и дворцовые писцы подчинялись Канцелярии императорских указов. При нынешней же династии Тай-цзу упразднил эту канцелярию и учредил Центральный секретариат. Большинство его чиновников занимали и другие должности. Например, Ван Чжэнь занимал должность министра финансов в Финансовом приказе, но одновременно был членом кабинета Центрального секретариата, и величали его Ван Цюань. Если у чиновников Центрального секретариата не было других совмещаемых должностей, то оставалось всего два возможных поприща.

Либо быть перворанговым канцлером, обладающим безраздельной властью при дворе, либо служить личным приближенным Сына Неба, ведающим записями его повседневных дел и речей.

Когда Тан Шэнь прибыл в управу Центрального секретариата, Яо Шань уже был там. Увидев Тан Шэня, он сказал:

— Цзинцзэ, не думал я, что судьба вновь так быстро сведет нас вместе. Центральный секретариат — это не Академия Ханьлинь, так что впредь нам нужно держаться друг друга и помогать во всем.

Тан Шэнь, разумеется, ответил:

— Будем трудиться бок о бок, брат Вэньцзи!

Пока они обменивались любезностями, в дверях показались двое чиновников в одеяниях пятого ранга. Тан Шэнь поприветствовал их церемонным поклоном, а прибывшие и Яо Шань обменялись взаимными поклонами равных по положению. Один из вошедших произнес:

— Должно быть, вы и есть господин Яо Вэньцзи, а вы — господин Тан Цзинцзэ. Меня зовут Ли Шу, мы с господином Яо занимаем должности придворных историографов пятого ранга. А это господин Чжан Сы, он тоже придворный историограф.

Чжан Сы добавил:

— Сегодня императора сопровождаю я, и двое дворцовых писцов уже назначены. Завтра же сопровождать его будет Господин Ли, и тогда, господин Тан, вам тоже придется отправиться во дворец.

— Господин Чжан, неужели завтра именно мне предстоит вести записи?

Его лицо выразило крайнее замешательство.

— Признаться честно, я только-только перевелся в Центральный секретарят и пока совершенно ни в чем не разбираюсь. Боюсь, завтра я непременно выставлю себя на посмешище. Мой позор — полбеда, но если это потревожит Его Величество, случится непоправимое. Что же мне делать завтра?

Тан Шэню в этом году исполнилось всего шестнадцать. На его лице отразилась глубокая тревога, брови сошлись на переносице, а пальцы судорожно сжались, словно он и впрямь был не на шутку напуган.

Увидев это, оба придворных историографа пятого ранга переглянулись и с улыбкой подумали, что Тан Шэнь, как и поговаривали в народе, еще совсем ребенок.

— Не стоит так беспокоиться, — успокоил его Ли Шу. — Завтра вы пойдете под моим началом, к тому же вы будете не единственным дворцовым писцом. Просто встанете у меня за спиной и станете наблюдать, как именно я веду записи. Сам я буду стоять по левую руку от Его Величества, а второй дворцовый писец — по правую. Вы с господином Яо только прибыли и еще не освоились с делами. Сделайте вот что: сегодня отправляйтесь читать «Записи о жизни и деяниях» годов правления Кайпин нашей династии. Прочтите сколько успеете. Когда осилите их полностью, то сразу поймете, что к чему.

Яо Шань и Тан Шэнь переглянулись и с горькой усмешкой ответили в один голос:

— Слушаемся.

Кто бы мог подумать, что даже после ухода из Академии Ханьлинь им все равно придется целыми днями читать книги!

Тан Шэнь и Яо Шань взяли по увесистому тому «Записей о жизни и деяниях» и принялись перелистывать страницы. За этим занятием они не заметили, как солнце склонилось к закату, а император закончил свои даосские практики и удалился во внутренние покои. Только после того как правитель скрылся в личных покоях, придворные историографы и дворцовые писцы смогли завершить свой рабочий день.

Вернувшись домой, Тан Шэнь умылся холодной водой. Ледяные брызги, коснувшись лица, мгновенно прогнали усталость и прояснили мысли.

Прийдя в себя, он с лихорадочным блеском в глазах торопливо достал с книжной полки в кабинете чистую тетрадь. Быстро растерев тушь, он взял тонкую кисть из козьей шерсти и стремительно вывел на бумаге: «Четвертого дня восьмого месяца двадцать четвертого года Кайпин. Упала звезда величиной с персик, приземлившись на юго-востоке. Глава Астрономического приказа Ли Сяорэнь под покровом ночи вошел в императорский дворец...»

Прикрыв глаза, Тан Шэнь тут же мысленно увидел стройные ряды иероглифов и продолжил писать: «Седьмого дня восьмого месяца двадцать четвертого года Кайпин. Его Величество призвал к себе заместителя главы Судебного приказа Су Вэньюня. Император молвил: "Прошлой ночью Нам привиделся страшный сон: Мы зрели простых людей, стонающих в темницах, и слезы их с кровью омывали решетки". Чиновник Су ответил: "Милосердие Вашего Величества безгранично, вашему слуге с ним не сравниться". Император молвил: "Коль скорбит Поднебесная, скорбим и Мы. Разделяешь ли ты, чиновник Су, Нашу скорбь? Должно облагодетельствовать народ, ниспослать благодать простым людям, посему Мы объявляем всеобщую амнистию!" В тот день император Сун даровал амнистию преступникам».

Тан Шэнь с поразительной скоростью выводил строчку за строчкой на чистой бумаге.

Абсолютная память!

Даже сам Тан Шэнь не думал, что однажды применит свой особый дар в таком деле.

Когда сегодня Тан Шэнь ходил в хранилище Центрального секретариата выбирать книги, он отобрал «Записи о жизни и деяниях» с двадцать четвертого по двадцать шестой годы Кайпин. За целый день ему удалось прочесть лишь записи чуть более чем за один год, и оставалось просмотреть еще больше года хроник.

Закончив записывать все, что, по его мнению, могло быть связано между собой, Тан Шэнь с облегчением выдохнул и бессильно откинулся на спинку стула. Он взял в руки свою подделку под «Записи о жизни и деяниях» и принялся внимательно ее изучать.

Записи Тан Шэня были весьма разрозненными: здесь были и случайно оброненные фразы Чжао Фу, и его диалоги с приближенными во время аудиенций. Он фиксировал абсолютно все, что могло иметь хоть малейшее отношение к сторонникам Фракции Сунцин.

И все же этого...

— Этого слишком мало!

Тан Шэнь с силой бросил тетрадь на письменный стол. В его покрасневших глазах полопались сосуды.

— Объявив всеобщую амнистию, император, разумеется, не мог освободить Чжун Тайшэна. Под амнистию попадают лишь те, кто совершил незначительные проступки, тогда как опасные преступники и убийцы помилованию не подлежат. Неужели Чжао Фу даровал прощение заключенным только из-за ночного кошмара, или же он преследовал иную цель?

Он напряженно размышлял:

— С той самой ночи, когда упал метеор, это был единственный раз, когда он упомянул узников в темницах. Что же я упустил?

Он принялся быстро пролистывать страницы, но сколько бы ни вглядывался в строчки, так и не смог нащупать ни единой зацепки.

Тан Шэнь чувствовал себя так, будто ему на плечи взвалили гору Тайшань, отчего перехватывало дыхание. Он прекрасно понимал, что смерть Чжун Тайшэна почти наверняка лежит на совести Чжао Фу, как и дворцовый переворот двадцатисемилетней давности. Однако все эти события сплелись в плотную, запутанную паутину тайн, сквозь которую он, как ни пытался, не мог ничего разглядеть.

Тан Шэнь пришел к неутешительному выводу: он все еще слишком мало знает.

Строить смелые предположения и скрупулезно их проверять. Другого пути нет!

Потушив свечу в кабинете, Тан Шэнь спрятал тетрадь в потайной ящик за книжной полкой и отправился в спальню.

На следующий день в час Быка, когда на улице было еще совсем темно, Тан Шэнь облачился в чиновничье одеяние и направился в управу Центрального секретариата.

Заметив, что Тан Шэнь пришел заранее, Ли Шу одобрительно кивнул. Когда явился второй дворцовый писец, Ли Шу лишь молча скользнул по нему взглядом и сразу повел обоих во дворец. Под покровом непроглядной ночной тьмы и россыпи звезд трое чиновников, не поднимая голов, быстрым шагом шли по дворцовой территории.

В императорском дворце царил безмолвие. Погруженные во мрак чертоги походили на разинутую пасть огромного чудовища, готового поглотить любого.

Когда они достигли Дворца Цычэнь, там никого не было, кроме евнухов и служанок, которые на коленях подметали пол. Ли Шу тихо скомандовал спутникам:

— Ни звука.

Тан Шэнь и второй писец, разумеется, не проронили ни слова. Затем Ли Шу провел их за императорский трон.

Тан Шэнь бывал во Дворце Цычэнь лишь однажды — в день оглашения результатов дворцового экзамена, когда выпускалась Третья группа выпускников. Тогда он стоял в самом центре зала, и Чжао Фу лично пожаловал ему звание таньхуа.

Ли Шу переглянулся со вторым дворцовым писцом. Тот уже обладал достаточным опытом и бесшумно направился в правую сторону. Тан Шэнь последовал за Ли Шу налево. Обогнув императорский трон, они вышли к боковой стороне мраморного возвышения. Там, прямо за огромной, в пять обхватов, колонной из белого нефрита с изображением извивающегося дракона, скрывались маленький столик и стул.

Столик был крошечным и узким, а сиденьем служила простая табуретка, сколоченная из трех деревянных досочек.

Тан Шэнь невольно бросил на нее несколько изумленных взглядов. Когда в день награждения он стоял здесь, будучи пожалованным званием таньхуа, ему и в голову не могло прийти, что за колоннами по обе стороны от трона кто-то прячется!

— Встань позади меня и скройся за колонной.

— Слушаемся, — так же тихо ответил Тан Шэнь.

Ли Шу сел и принялся аккуратно и бесшумно растирать тушь.

<http://bllate.org/book/18292/1754529>